

УДК 341.1/8

*ЖУДРО Иван Сергеевич, кандидат юридических наук, эксперт РАН и Российского совета по международным делам. Автор 8 научных публикаций*

### ***ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ КАК КОМПОНЕНТ УНИКАЛЬНОГО, ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШЕГОСЯ СТАТУСА АРКТИКИ***

В статье исследуется правовой режим Северного Ледовитого океана с акцентом на сложившиеся международные обычаи, стержневая роль которых выявляется в сопоставлении универсального и регионального уровней правового регулирования. Утверждается, что основой для осуществления государством своих суверенных прав в отношении арктического шельфа, а также для определения границ таких прав являются обычные нормы международного права. При этом участие государства в каких-либо соглашениях, в т. ч. в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, не является определяющим фактом. Поэтому преувеличивать значение Конвенции 1982 года в правовом режиме Северного Ледовитого океана, а равно занижать роль обычных норм невыгодно арктическим государствам, и в первую очередь самому крупному из них – Российской Федерации.

На основе применимого международного права утверждается, что Россия – государство с самым протяженным арктическим побережьем – может защитить свои национальные интересы в центре своего арктического сектора, если будет учитывать практику других арктических государств, а также обычно-правовые нормы как компонент уникального, исторически сложившегося статуса Арктики.

Автором исследована практика Международного Суда ООН, который в оценках границ континентального шельфа исходит из приоритета обычного права и допускает в целях достижения справедливого результата возможность прибегать к различным методам разграничения или к сочетанию таких принципов и методов. Признается, что метод меридианных линий не меньше, чем любой другой метод, позволяет достичь справедливого результата. Приведена практика применения этого метода при разграничении полярных пространств в Русско-английской конвенции 1825 года, в Конвенции об уступке Аляски 1867 года, в Соглашении между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 года, а также в Соглашении 2011 года (разграничение государствами Арктического совета авиационных и морских поисково-спасательных районов).

Автор делает вывод о необходимости сохранения и недопустимости пересмотра сложившегося международно-правового режима Арктики, и прежде всего лежащих в его основе правовых обычаев.

***Ключевые слова:*** международно-правовой режим Северного Ледовитого океана, универсальный и региональный уровни правового регулирования, обычные нормы международного права, международные обычаи, Международный Суд ООН, метод меридианных линий.

Сегодня в юридической науке внимание обращено на возникновение такого института международного права, как **«арктическое право»** (Arctic Law) [1, с. 12]. Новый правовой институт носит характер **комплексный, межотраслевой**, что вполне закономерно, учитывая, что Арктика представляет интерес в качестве предмета, прежде всего системных междисциплинарных исследований [2, с. 9–20]. Поскольку основу арктического региона составляет Северный Ледовитый океан (СЛО), в структуре появившегося правового института определяющую роль играют **нормы международного морского права**.

Следует отметить, что **обособление международно-правовых норм разных отраслей в отдельный институт по региональному критерию** – сам по себе **знаменательный факт**, учитывая, что распространяющаяся **глобализация** и производные от нее современные правовые концепции («управление без правительства», «комплексное экосистемное управление») **не признают национальных или региональных границ**.

К примеру, **реализация в Мировом океане универсальных правовых механизмов и функционирование органов**, предусмотренных Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, таких как Международный район морского дна («общее наследие человечества»), Международный орган по морскому дну, Комиссия по границам континентального шельфа, **целенаправленно ведут к интернационализации управления морехозяйственной деятельностью**.

И **международно-правовой режим Арктики**, и соответствующий ему в юридической науке правовой институт **не могли избежать влияния глобализации**. Сегодня их структура определяется как региональными, так и универсальными международно-правовыми нормами. Можно предположить, что в подобной неоднородности проявляют себя современные **противоречия во взглядах на Арктику**.

**Региональные договоренности арктических стран, составляющие наряду с актами**

**их национального законодательства основу правового режима Арктики, по-прежнему отражают особые местные условия и интересы**, прежде всего самих **приполярных государств**. Ими принимаются юридически обязывающие соглашения в области чрезвычайных ситуаций – о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике, в сфере готовности и реагирования на загрязнение нефтью моря в Арктике [3, с. 21–32].

Напротив, **универсальные** международно-правовые **нормы**, прежде всего **Конвенции ООН по морскому праву 1982 года**, являются в свою очередь отражением объективного процесса **интернационализации** этой проблематики, в основе которой – намерение неарктических государств и их объединений получить равный с арктическими странами доступ к природным ресурсам и транспортному потенциалу СЛО.

**Северный Ледовитый океан в силу своих естественных географических особенностей, омывая побережья влиятельных держав – России, Канады, Норвегии, Дании и США, гораздо сильнее, чем любой другой океан, увязал их стратегические интересы**. СЛО по площади самый малый (около 4 % от всей площади Мирового океана) и самый мелководный из всех океанов (средняя глубина составляет 1225 м). Около 40 % площади СЛО имеет глубины меньше 200 м. Большую часть рельефа его дна занимают подводные окраины материков (до 70 % площади дна), богатые ископаемыми ресурсами. Пространство СЛО, за исключением некоторых районов, покрыто льдами большую продолжительность года, а его центральная часть – постоянно. В этом его **фундаментальное отличие от Тихого, Атлантического и Индийского океанов** [4, с. 546–551].

Арктические стратегии приполярных государств напоминают о заслугах их подданных или граждан в открытии и исследовании конкретных арктических территорий. **Заслуги России состоят прежде всего в открытии многих полярных земель, их географическом и юридическом обозначении, начальном освоении**. Такие действия, совершенные

подданными Российской империи, сообразно международному праву прошлого периода, становились достаточным титулом для распространения на отдаленные пространства властных полномочий российского государства при отсутствии каких-либо возражений со стороны неарктических («неполярных») государств [1, с. 29].

Права России на северные земли и прилегающие к ним моря закреплялись в указах русского царя 1616–1620 годов, русско-шведских договорах 1806 и 1826 года, русско-американской конвенции 1824 года [5, с. 184], а особенно – в русско-английской конвенции 1825 года, формируя **международные обычаи**, которые сегодня легли в основу правового режима **Северного Ледовитого океана**, в т. ч. в методологию разграничения его пространств (например, метод использования меридианных линий, сходящихся в точке Северного полюса).

**Именно международными обычаями**, т. е. обычными нормами или нормами международного обычного права (используя термин Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года), наряду с международными договорами и актами национального законодательства прибрежных государств **изначально предопределен правопорядок в СЛО**<sup>1</sup>.

**Международные обычаи в Арктике** – многолетняя правоприменительная практика самих арктических государств, получившая признание остальных стран. Как и международные договоры, международные обычаи должны выполняться добросовестно, разумно, с учетом прав участников конкретных правоотношений, с должным уважением признанных интересов всего мирового сообщества. Согласие с такими международными обычаями, явно выраженное или молчаливое (отсутствие протестов со стороны неарктических государств), сделали их неотъемлемой частью современного международного права. В силу международных обычаев только 5 при-

брежных государств (Россия, Канада, Дания, Норвегия, США) давно осуществляют суверенитет над внутренними морскими водами, территориальным морем, их дном и недрами, а также имеют специальные права в своих «полярных владениях» (используя термин Русско-английской Конвенции 1825 года). В последние десятилетия обозначены и реализуются также юрисдикция этих 5 государств в исключительных экономических зонах, а также суверенные права над районами их континентального шельфа, в т. ч. его недрами.

**Правовые обычаи находят свое отражение в заключаемых сегодня региональных арктических договоренностях** (Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (2011)) [3, с. 29–30] и в универсальных международных договорах, в т. ч. в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (далее – Конвенция 1982 года), что позволяет рассматривать многие ее нормы (в т. ч. о внутренних морских водах, о территориальном море, о покрытых льдами районах) частью современного правового режима Арктики (за исключением, как отмечено в научной литературе, норм Конвенции 1982 года о международном районе морского дна и о границе между ним и континентальным шельфом).

В структуре арктического права помимо международных договоров арктических государств и международно-правовых документов, не являющихся договорами, но от того не менее значимых (например, Илулиссатская декларация 5 прибрежных арктических государств 2008 года), исторически огромную роль играет применяемое к Арктике национальное законодательство приполярных государств, которое и сегодня продолжает развиваться [1, с. 12].

**В условиях Арктики «не срабатывают» все глобальные механизмы**, созданные Конвенцией 1982 года, и прежде всего **в таком чувствительном сегодня вопросе, как разграничение**

<sup>1</sup> Венская конвенция 1969 года гласит: «Нормы международного обычного права по-прежнему регулируют важнейшие вопросы международных отношений». Обычай в числе основных источников международного права определен в Статуте Международного Суда (п. 1 ст. 38).

**подводных пространств (континентального шельфа) Северного Ледовитого океана.**

Прежде всего – из-за **колоссальных отличий покрытых льдом районов Севера от теплых вод Индийского океана** (следует отметить, что Конвенция 1982 года специально не упоминает о полярных регионах – Арктике и Антарктике, они не были предметом обсуждения на III конференции по морскому праву 1973–1982 годов).

Другая причина – **неучастие в Конвенции 1982 года** одного из 5 арктических прибрежных государств (США) и неисполнение им конвенционных положений о самоограничении континентального шельфа в пользу Международного района морского дна (ст. 76). **Результат действий России, Канады, Дании и Норвегии по отграничению шельфа при неучастии США создаст за счет остальных государств конкурентные преимущества именно США, имеющим самое непротяженное арктическое побережье, и поэтому не будет справедливым** [6, с. 4–6].

Ст. 76 Конвенции 1982 года содержит геологические критерии, которым должны следовать прибрежные государства в определении границ между собственным континентальным шельфом и Международным районом морского дна, ресурсы которого объявлены «Общим наследием человечества» и находятся в управлении Международного органа по морскому дну. Реализация в СЛЮ всеми прибрежными государствами концепции «Общего наследия человечества» способно существенно сократить пространственные пределы их национальной юрисдикции и в этом случае будет отвечать интересам нерегистрационных стран, представители которых заявляют о том, что Северный Ледовитый океан не может принадлежать и управляться только арктическими государствами.

Создание в центре СЛЮ района, находящегося в международном управлении, повлечет ограничение возможностей арктических стран

согласованно осуществлять ответственное природопользование в регионе, таящем множество рисков (имея в виду непредсказуемость глобальных климатических процессов, небезопасность добычи и затратность транспортировки добываемых ресурсов в условиях ледового покрова, удаленности от береговой инфраструктуры и пр.).

**Достижение же справедливого результата при разграничении суверенных прав на подводные пространства СЛЮ возможно на основе правовых обычаев, носящих региональный характер, предопределенный исторически.**

В то время как «глобализация не упорядочивает системы межгосударственных отношений, ведет к распространению принципов, граничащих с анархией, возникает острая потребность в региональной интеграции» [7, с. 87–94].

Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров обратил внимание на то, что «укрепление регионального уровня управления в условиях, когда не срабатывают общемировые механизмы, служит своего рода страховочной сеткой»<sup>2</sup>. **Отмечается «существенное усиление тенденции развития самого широкого регионального сотрудничества, терпеливый поиск взаимоприемлемых решений путем переговоров на основе норм международного права»** [8, с. 4–5].

**Согласно решениям Международного Суда ООН, который в оценках границ континентального шельфа исходит из приоритета обычного права, «наиболее фундаментальным из всех правовых норм, относящихся к континентальному шельфу», является «принцип естественного продолжения», а именно «правило о том, что права прибрежного государства в отношении континентального шельфа, который составляет естественное продолжение его сухопутной территории в море и под ним, существуют ipso facto и ab initio (в силу факта и изначально), вследствие его**

---

<sup>2</sup> Тезисы выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в МГИМО (У)МИД России, 1 сентября 2009 года. URL: <http://www.mgimo.ru/news/guests/index.phtml> (дата обращения: 25.11.2014).

суверенитета над этой территорией», а не вследствие участия государства в какой-либо конвенции<sup>3</sup>.

Что же касается установленных Конвенцией 1982 года геологических критериев протяженности континентального шельфа (ст. 76), то, по мнению Международного Суда ООН, учет геоморфологической конфигурации морского дна «не должен привести к нарушению правила о континентальном шельфе как естественном продолжении территории государства». Как отметил суд, его функция «состоит в использовании геологических факторов лишь постольку, поскольку это требуется для применения международного права».

Иными словами, **государство вправе** осуществлять свои суверенные права в отношении континентального шельфа, **определять границы таких прав, основываясь на обычных нормах международного права и независимо от участия в каких-либо соглашениях**, в т. ч. в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

**Международный Суд ООН допускает** в целях достижения справедливого результата и соблюдения пропорциональности (одинакового соотношения между протяженностями побережий соответствующих государств) **возможность прибегать к различным принципам и методам разграничения**, насколько это может быть уместным, или к сочетанию таких принципов и методов при условии, что применением принципов справедливости достигается разумный результат [10, с. 105].

Речь, в частности, идет **о методе меридианных линий, который** не в меньшей степени, чем любой другой (метод равного отстояния или метод срединной линии), **отвечает достижению справедливого результата**.

**Практика применения таких методов весьма обширна** – при разграничении полярных пространств в Русско-английской конвенции 1825 года, в Конвенции об уступке Аляски

1867 года, в Соглашении между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 года, а также в не связанном напрямую с вопросами делимитации морских пространств Соглашении 2011 года – при разграничении государствами Арктического совета авиационных и морских поисково-спасательных районов [3, с. 21–32].

В данном случае **преимущество регионального подхода** в отличие от универсального **обусловлено** лежащими в его основе **правовыми обычаями**, издавна определявшими в Арктике пределы полярных владений, режим природопользования, жизнь коренных народов.

Сегодня стратегии крупных нерегиональных игроков, нацеленные на проникновение в Арктику, как правило, **преувеличивают значимость универсальных норм Конвенции 1982 года и занижают роль международных обычаев в правовом статусе Арктики**.

Опираясь именно на универсальные международно-правовые нормы, наиболее влиятельные межгосударственные объединения (**Евросоюз, НАТО**) **стремятся активно и полноценно участвовать в управлении Арктикой наравне с ключевыми странами региона**. Основной тезис – национальные государства не способны на односторонней основе «правильно» управлять «общими ресурсами всего человечества». Пути достижения своих целей они видят в ослаблении региональных форматов управления Крайним Севером – в унификации правил производственной и природоохранной деятельности, стандартов безопасности освоения минеральных и энергетических ресурсов, внедрении «общих правил судоходства», прежде всего под эгидой Международной морской организации, т. е. в международном управлении транспортными путями в бассейне СЛО и пр. [1, с. 639–659].

Примечательно, что в качестве **«ключевой основы** для управления Северным Ледовитым

<sup>3</sup> I.C.J. Reports 1969, International Court of Justice Reports of judgments, Advisory Opinions and Orders, North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany – Denmark; Federal Republic of Germany – Netherlands). Judgment of 20 February 1969.

океаном» **Европейский Союз рассматривает Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года** – “As key basis for the management of the Arctic Ocean”. European Commission High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. Brussels. 26.06.12. Join (2012) 19 Final. Joint Communication to the European Parliament and the Council. Developing a European Union Policy towards the Arctic Region: progress since 2008 and next steps [6, с. 5].

Тот же подход отражен и в официальной позиции **НАТО: «Конвенция ООН по морскому праву 1982 года является юридической основой**, которая применяется к Северному Ледовитому океану» – Speech by NATO Secretary General Jaap de Hoop Scheffer on Security Prospects in the High North. NATO. 29.01.09 [6, с. 5].

В данном случае конвенционные нормы в большей степени, нежели региональные, соответствуют целям глобального океанического управления.

**Национальные интересы США** в Северном Ледовитом океане, впрочем, как и в любом другом регионе Мирового океана, не предполагают делегирования инициативы в вопросах управления. В арктической стратегии США, как и других приполярных стран, содержатся **декларации о собственной ключевой роли, ответственности и лидерстве в освоении Арктики** [1, с. 639–659].

Между тем эти претензии не всегда соответствуют степени вовлеченности в процесс управления полярным регионом, которая во многом предопределяется объективными историческими и географическими факторами. Если **США стали арктической державой менее 150 лет назад** (Договор между Россией и Североамериканскими Соединенными Штатами об уступке Российских Североамериканских колоний заключен в Вашингтоне 18(30) апреля 1867 года) и имеют самую малую протяженность побережья в СЛО (1700 км) [11], то первые упоминания о русских первопроходцах в Арктике относятся к XI веку, и при этом **Российская Федерация унаследовала от СССР и Российской империи самое протяжен-**

**ное арктическое побережье – 22600 км**, что само по себе имеет **важнейшее правоустанавливающее значение** [1, с. 546–551].

Протяженность побережья является тем естественным географическим фактором, от которого зависит площадь морских пространств, исключительной экономической зоны, континентального шельфа с его недрами, а значит, и конкурентные преимущества государства. Этим же географическим фактором определяется сила воздействия хозяйственной активности на морскую экосистему и, соответственно, степень влияния последствий такой активности на жизнедеятельность и здоровье прибрежного населения.

**Самое протяженное арктическое побережье возлагает на Россию** в большей мере, чем на любое другое соседнее государство, **ответственность за безопасное хозяйствование в регионе** и делает ее в той же степени зависимой от состояния природной среды Крайнего Севера.

**Ослабление региональных механизмов управления** создает благоприятные условия для внешнего вмешательства в сферу национальных интересов государств, что **негативно сказывается на региональной и глобальной безопасности**.

Проявлением объявленной Москве санкционной войны стали **попытки Вашингтона и Брюсселя «сколотить» антироссийский экономический фронт из государств-членов Арктического совета**. Отраслевые санкции, введенные против топливно-энергетического комплекса России, призванные снизить ее возможности в научных исследованиях и промышленном освоении арктических пространств, привлечении инвестиций, неизбежно блокируют полноценное региональное взаимодействие. **Искусственно возводимые политически мотивированные препятствия** на пути регионального сотрудничества в Арктике **создают вполне реальные угрозы в сфере ответственного управления столь экологически уязвимым районом Земли**.

Подобным образом нерегиональные политические объединения для достижения собственных коалиционных целей прибегают к неправо-

вым методам, идущим в разрез с принципами арктического сотрудничества. Подобная блоковая стратегия в Арктике, рассчитанная на усиление влияния одних стран за счет других, по существу имеет своей целью пересмотр исторически сложившегося международно-правового режима СЛО.

Сегодня как никогда **в арктическом регионе востребована «общенаправляющая роль международного обычного права**, которое отражает в себе основные принципы международного права; концентрированно выражает некие императивы поведения: справедливость; добросовестность; недопустимость злоупотребления посредством формального исполнения договорной нормы (*sumum jus sumum injuria*); уважение к принятым обязательствам *erga omnes*, к тем, которые отражают взаиморазделяемые, наиболее общие представления сообщества государств о должном миропорядке» [12, с. 5–29].

В условиях, когда на Арктику устремлены пристальные взоры влиятельных нерегиональных игроков (Китай, Япония, Индия, Евросоюз, НАТО), все чаще темой иницилируемого ими политического и научно-экспертного диалога становится способность современного международно-правового режима СЛО обеспечить учет интересов неарктических государств при освоении ресурсов Крайнего Севера.

В этой связи весьма важной и своевременной представляется констатация, сформулированная в 2008 году «пятеркой» арктических прибрежных государств (Россия, Канада, Дания, Норвегия, США) в **Илулссатской декларации**:

– **сложивший правовой режим СЛО достаточен** для «мирного разрешения споров, вытекающих из любых возможных претензий»;

– **отсутствует необходимость в создании нового общего международно-правового режима для СЛО**;

– **государства, прибрежные к СЛО**, привержены существующему международно-правовому механизму, «в рамках» которого «обеспечивается прочное основание для осуществления **ответственного управления в регионе**»<sup>4</sup>.

Современная правовая база природопользования располагает обширным инструментарием для учета интересов нерегиональных стран и объединений в освоении труднодоступной и экологически уязвимой Арктики (лицензирование и концессия разведки и разработки месторождений, квотирование промысла биоресурсов и пр.), не требующих пересмотра на основании универсальных норм международно-правового режима, предопределенного исторически и географически.

Применимое к Арктике международное право представлено обширным перечнем документов, которые «убеждают в **уникальности исторически сложившегося правового положения Арктического региона**; в том, что Арктика – это не пробельный объект права; что огромный массив правовых норм регулирует отношения государств по поводу деятельности в Арктическом регионе; что **роль арктических государств** в создании таких норм, их реализации и в обеспечении выполнения **является решающей**» [13, с. 66].

Вполне очевидно, что **пересмотр сложившегося международно-правового режима Арктики**, и прежде всего лежащих в его основе правовых обычаев, **невыгоден** арктическим государствам, и в первую очередь самому крупному из них – **Российской Федерации**. Так же, как преувеличивать значение Конвенции 1982 года в правовом режиме Северного Ледовитого океана, а равно занижать роль обычных норм, не в интересах арктических государств и осуществляемого ими ответственного управления устойчивым развитием полярного региона.

<sup>4</sup> Ilulissat Declaration, Arctic Ocean Conference, Greenland, 27–29 May 2008. URL: <http://arctic-concil.org/filearchive/Ilulissat-declaration.pdf> (дата обращения: 20.11.2014).

## Список литературы

1. Арктический регион. Проблемы международного сотрудничества: хрестоматия: в 3 т. Т. 3. Применимые правовые источники / глав. ред. И.С. Иванов. М., 2013. 660 с.
2. Polar Politic: Creating International Environmental Regimes / ed. by O.R. Young, G. Osherenko. N. Y., 1993.
3. Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике. Заключено в г. Кируна 15 мая 2013 года // Бюллетень международных договоров. 2013. № 9. С. 21–26.
4. Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике. Заключено в г. Нууке 12 мая 2011 года // Бюллетень международных договоров. 2013. № 9. С. 27–32.
5. Физическая география материков и океанов / под общ. ред. А.М. Рябчикова. М., 1988.
6. Эфендиев О.Ф. Арктические воды // Современное международное морское право. Режим вод и дна Мирового океана. М., 1974. 271 с.
7. Предложения к Дорожной карте развития международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике. М., 2013. 55 с.
8. Иванец Г.И., Червонюк В.И. Глобализация, государство, право // Гос-во и право. 2003. № 8. С. 87–94.
9. Лавров С.В. Нуукская Декларация: новый этап сотрудничества арктических государств // Арктика: экология и экономика. 2011. № 3. С. 4–5.
10. Вылегжанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М., 2004. 222 с.
11. Coastline of the United States. URL: <http://www.infoplease.com/ipa/A0001801.html#ixzz3JL2rCeWv> (дата обращения: 25.11.2014).
12. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Значение международного обычая в современном международном праве // Моск. журн. междунар. права. 2012. № 2. С. 5–29.
13. Николаев А.Н., Пецуров И.С. Правовые возможности предотвращения потери Россией высокоширотного участка арктического шельфа // Соврем. производ. силы. 2014. № 1. С. 65–85.

## References

1. *Arkticheskiy region. Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: khrestomatiya: v 3 t. T. 3. Primenimye pravovye istochniki* [The Arctic Region. Problems of International Cooperation: Reader: In 3 Vols. Vol. 3. Applicable Legal Sources]. Ed. by Ivanov I.S. Moscow, 2013. 660 p.
2. *Polar Politics: Creating International Environmental Regimes*. Ed. by Young O.R., Osherenko G. New York, 1993.
3. Agreement on Cooperation on Marine Oil Pollution Preparedness and Response in the Arctic. Signed in Kiruna on 15 May 2013. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2013, no. 9, pp. 21–26 (in Russian).
4. Agreement on Cooperation on Aeronautical and Maritime Search and Rescue in the Arctic. Signed in Nuuk on 12 May 2011. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2013, no. 9, pp. 27–32 (in Russian).
5. *Fizicheskaya geografiya materikov i okeanov* [Physical Geography of Continents and Oceans]. Ed. by Ryabchikov A.M. Moscow, 1988.
6. Efendiev O.F. Arkticheskie vody [Arctic Waters]. *Sovremennoe mezhdunarodnoe morskoe pravo. Rezhim vod i dna Mirovogo okeana* [Modern International Law of the Sea. Regime of the Waters and the Ocean Floor]. Moscow, 1974. 271 p.
7. *Predlozheniya k Dorozhnoy karte razvitiya mezhdunarodno-pravovykh osnov sotrudnichestva Rossii v Arktike* [Proposals for the Roadmap for the Development of the International Legal Framework for Russia's Cooperation in the Arctic]. Moscow, 2013. 55 p.
8. Ivanets G.I., Chervonyuk V.I. Globalizatsiya, gosudarstvo, pravo [Globalization, State, Law]. *Gosudarstvo i pravo*, 2003, no. 8, pp. 87–94.
9. Lavrov S.V. Nuukskaya Deklaratsiya: novyy etap sotrudnichestva arkticheskikh gosudarstv [Nuuk Declaration: A New Stage of Cooperation Between Arctic States]. *Arktika: ekologiya i ekonomika*, 2011, no. 3, pp. 4–5.
10. Vylegzhanin A.N. *Resheniya Mezhdunarodnogo Suda OON po sporam o razgranichenii morskikh prostranstv* [Decisions of the International Court of Justice in Disputes over Maritime Boundaries]. Moscow, 2004. 222 p.
11. *Coastline of the United States*. Available at: <http://www.infoplease.com/ipa/A0001801.html#ixzz3JL2rCeWv> (accessed 25 November 2014).



12. Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. Znachenie mezhdunarodnogo obychaya v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Value of International Custom in Modern International Law]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2012, no. 2, pp. 5–29.

13. Nikolaev A.N., Peshchurov I.S. Pravovye vozmozhnosti predotvrashcheniya poteri Rossii vysokoshirotnogo uchastka arkticheskogo shel'fa [Legal Options to Prevent the Loss of the Russian High-Latitude Region of the Arctic Shelf]. *Sovremennye proizvoditel'nye sily*, 2014, no. 1, pp. 65–85.

*Zhudro Ivan Sergeevich*

Russian Academy of Sciences; Russian International Affairs Council (Moscow, Russia)

### **CUSTOMARY RULES OF THE INTERNATIONAL LAW AS A COMPONENT OF THE UNIQUE, HISTORICALLY ESTABLISHED STATUS OF THE ARCTIC**

The article examines the legal regime of the Arctic Ocean with the emphasis on the international customs. Their leading role comes to light when comparing the universal and regional levels of legal regulation. Customary rules of the international law form the basis for the state's implementation of its sovereign rights with regard to the Arctic shelf, as well as for delimitation of such rights. At the same time, participation of the state in any agreements, including the United Nations Convention on the Law of the Sea of 1982, is not a determinative. Therefore, arctic states, especially Russia, have nothing to gain from exaggerating the importance of 1982 Convention or underestimating the role of customary rules for the legal regime of the Arctic Ocean.

Proceeding from the applicable international law, it is asserted that Russia, as a country with the longest Arctic coast, has legal possibilities to protect its national interests in the centre of its Arctic sector if it takes into account the practice of other coastal Arctic states and customary rules of the international law as a component of the unique, historically established status of the Arctic.

The author studies the practice of the International Court of Justice, which, when it comes to determining boundaries of the continental shelf, proceeds from the priority of customary rules and finds it conceivable, with a view of achieving a fair result, to use various methods for delimitation or combine such principles and methods. The author of the paper believes that the method of meridian lines is as good as any other method allowing one to reach a fair result. Practice of application of this method is extensive. It was used to delimitate polar areas in the Anglo-Russian Convention of 1825, the 1867 Alaska Treaty of Cession, the USA/USSR Maritime Boundary Agreement of 1990, as well as in the Agreement on Cooperation on Aeronautical and Maritime Search and Rescue in the Arctic, which does not directly deal with boundary delimitation.

The author draws a conclusion that the present international legal regime of the Arctic regions, and first and foremost the underlying it legal customs, have to be preserved and should not be revised.

**Keywords:** *international legal regime of the Arctic Ocean, universal and regional levels of legal regulation, customary rules of international law, international customs, International Court of Justice, method of meridian lines.*

*Контактная информация:*

*адрес:* 103132, Москва, Старая площадь, д. 6;  
*e-mail:* joudreaux@mail.ru

Рецензент – *Чертова Н.А.*, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, директор юридического института Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова